

А.Я. Борисов, В.Г. Луконин

Сасанидские геммы

1963

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Я. Борисов**
Сасанидские геммы: 1963 / А.Я. Борисов, В.Г. Луконин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-458-45775-0

Книга посвящена коллекции сасанидских гемм, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

ISBN 978-5-458-45775-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллекция сасанидских гемм, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, несколько известно, самая лучшая в мире, и не только по количеству, но и по качеству представленных в ней экземпляров¹. В ее основе лежит богатейшее собрание «камей и гемм» Екатерины II². На протяжении XIX века собрание сасанидских резных камней Эрмитажа непрерывно пополнялось за счет покупок у коллекционеров и антикваров. Часто в состав коллекции Эрмитажа вливались значительные собрания археологов и краеведов, добытые в результате раскопок или купленные у местного населения.

Пути образования сасанидской коллекции глиптики не лишены известного интереса. Иногда имена коллекционеров и антикваров позволяют выяснить районы происхождения той или иной геммы; в результате мы можем в какой-то степени судить об ареале распространения сасанидских гемм. Так, в отделе Востока Государственного Эрмитажа хранится большое собрание резных камней археолога-любителя и краеведа военного инженера Б. Н. Кастаньского³. Эти камни были им приобретены в Средней Азии. Там же собирал свою коллекцию и известный историк и археолог Н. И. Веселовский⁴. Ведя раскопки раннесредневековых могильников у сел. Камунта и Кумбулта (Северная Осетия), местный археолог-любитель К. И. Ольшевский обнаружил значительное количество резных камней, среди которых встречаются и сасанидские. Несколько десятков сасанидских гемм передал в дар Эрмитажу и известный археолог Т. В. Кибальчич. Почти все эти камни были приобретены им в Крыму⁵. В Восточном Туркестане и Средней Азии были найдены

¹ Согласно сведениям, приводимым Ф. Аккерман (SPA, I, стр. 810, примеч. 6), наиболее значительные коллекции сасанидских гемм хранятся в Британском музее и в Берлине (ок. 700 экземпляров в каждом). Сведений о коллекциях иранских музеев в печати не появлялось.

² О составе и истории этого собрания см.: М. И. Максимова. Императрица Екатерина II и собрание резных камней Эрмитажа. «Сборник Государственного Эрмитажа», вып. 1, Пг., 1921, стр. 43—62.

³ О Б. Н. Кастаньском см.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 86, 87.

⁴ Об Н. И. Веселовском см.: В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. ЗВРАО, т. XXV, 1924, стр. 337—355; Б. Фармаковский. Н. И. Веселовский-археолог. Там же, стр. 359—386.

⁵ См.: Т. В. Кибальчич. Южно-русские геммы. Неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в Южной России. Берлин, 1910.

сасанидские геммы, переданные в числе других предметов в Эрмитаж русским востоковедом консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским¹.

Однако больше всего сасанидских гемм было собрано в Иране. Отсюда происходит великодушная коллекция графа Л. А. Перовского², в районе Кермана собирал камни русский дипломат Мюллер, в Малой Азии и Ираке покупал геммы генеральный консул в Трапезунде Г. Ф. Иванов, в Сенстане составил свою коллекцию Черкасов.

После образования в Эрмитаже отдела Востока (1920 г.) в состав восточных коллекций вошли богатейшие собрания Музея художественно-промышленного училища Штиглица, коллекции Шуваловых, Строгановых и т. д. Среди этих коллекций большое место занимали и резные камни. Правительство Армянской ССР в 1928 г. передало в дар Эрмитажу большую коллекцию резных камней, среди которых были и сасанидские³. Так составилось собрание, насчитывающее в настоящее время более 800 экземпляров сасанидских печатей.

Работа над каталогом этого собрания началась 30 лет назад и проходила одновременно с организацией выставок памятников сасанидской культуры⁴.

Основу систематического изучения сасанидских резных камней собрания Государственного Эрмитажа положила статья К. В. Тревер «Резной аметист с портретом Вархрапа I» в 1931 г.⁵: не только надпись на гемме — основной объект интереса ученых в течение многих лет, — но и стиль изображения, и его связь с иными памятниками культуры Ирана эпохи Сасанидов были подвергнуты внимательному анализу. Такой принцип был в дальнейшем положен в основу настоящего каталога, — датировка и осмысление памятников глиптики лишь в общей связи этих памятников с иными объектами, созданными в сасанидскую эпоху⁶.

В 1938 г. появилась блестящая работа А. Я. Борисова «Об одной группе сасанидских резных камней» (ТОВЭ, I, стр. 235—242, табл. VI).

Исследуя интереснейшие иранские камни с христианскими сюжетами, А. Я. Борисов впервые подчеркнул значение палеографии сасанидских надписей для датировки глиптики. Такой принцип был также положен в основу этого каталога, — датировка памятников глиптики по палеографическим особенностям имеющих на них надписей.

А. Я. Борисов составил более тысячи карточек с подробными описаниями сюжетов сасанидских и среднеазиатских гемм и приступил к чтению надписей на них. Его работу трагически оборвала война. В 1942 г. он погиб на пути из блокированного Ленинграда.

Мне не довелось видеть А. Я. Борисова, не довелось учиться у него. Но когда я поставил себе задачей завершить его труд по изучению сасанидской глиптики, образ этого замечательного ученого и замечательного человека все время стоял у меня перед глазами.

Я очень хотел, чтобы моя часть в этой работе была бы достойна его светлой памяти.

В. Луконин

Ленинград,
22 июня 1961 г.

¹ О Н. Ф. Петровском см. интересную работу профессора А. А. Семснова «Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях. Из воспоминаний прошлого» («Известия отделения общественных наук АН Тадж ССР», вып. 14, 1957, стр. 143—155, особенно стр. 150, 151). Коллекция резных камней, принадлежавших Н. Ф. Петровскому, вскоре будет пздана.

² Русский биографический словарь. СПб., 1902, стр. 541—550.

³ В каталоге эти камни снабжены пометкой «Армения».

⁴ Наиболее полно сасанидские резные камни были экспонированы в 1935 г. на выставке, посвященной III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии (см. Каталог выставки, вып. I, Л., 1935, стр. 216—226, 239—249, 269—310).

⁵ «Сообщения ГАИМК», № 2, 1931, стр. 19—23.

⁶ В дальнейшем К. В. Тревер не раз возвращалась к сасанидским резным камням, анализируя искусство и культуру Ирана эпохи Сасанидов.

В.Г.Луконин

САСАНИДСКИЕ

ГЕММЫ

ВВЕДЕНИЕ

Сасанидская Персия — последнее прибежище древнего искусства резьбы по камню — подарила нам колоссальное количество резных камней, изучение которых и адекватное толкование являются сейчас главной задачей иранистики. Легенды на резных камнях, содержащие главным образом имена владельцев, к тому же часто с их титулами и обозначением должностей, имеют большое значение для изучения истории, палеографии и особенно — для изучения административного устройства Ирана.

В. Б. Хеннинг. «Среднеиранские языки»

Арабские и персидские историки и поэты, описывая обычаи сасанидского двора, сообщают о том, что при утверждении в любой должности — гражданской, жреческой или военной — сасанидский шаханшах жаловал своему придворному инсигнии будущей его власти: шапку (кулах), пояс (камар) и перстень с печатью (мухр). Личная печать такого придворного сопровождала потом деловые письма, распоряжения, приказы. Сообщения об этом обычае позволяют оценивать портреты сасанидских вельмож и жрецов как первоклассный исторический источник независимо от того, где изображались эти портреты — на колоссальных скальных рельефах или на миниатюрных драгоценных и полудрагоценных резных камнях.

На официальных печатях вельмож и жрецов часто вырезался их портрет со всеми регалиями, соответствовавшими их сану. Часто такой портрет сопровождался надписью (легендой), содержащей официальные титулы и наименования их владельцев. Арабские и персидские историки любили описывать во всех подробностях перстни и изображения на них. Камням разных пород, вставленным в перстни, придавалась мистическая сила и способность влиять на судьбы людей¹, их случайное повреждение или потеря цвета истолковывались как дурные предзнаменования. Я привожу далее отрывок из произведения XI века «Ноуруз-наме» («Книга о Новом годе»), авторство которого некоторые исследователи приписывают знаменитому астроному и поэту Омару Хайаму. В этом отрывке самое интересное — отношение просвещенного перса к перстню с печатью.

«Перстень — украшение очень хорошее, и на пальце — подобающее. Вельможи говорят: «не человек тот, у кого нет перстня». А первый, кто сделал перстень и надел на палец, был Джамшид. И говорят, что палец вельможи без перстня — все равно, что ...² без знамени. Перстень на пальце, словно пояс на талии, а подпоясанная талия — лучше. Перстень на пальце вельможи был признаком мужественности полной, и мудрости великой и (был) надежным амулетом... Письмо вельможи без печати — от слабости разума и нечистых помыслов, а сокровищница без печати — от пренебрежения и неосторожности...

¹ Интересные материалы о свойствах драгоценных камней содержатся в грузинском сборнике X в. (см.: М. Г. Джапашвили. Драгоценные камни, их названия и свойства. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 24. Тифлис, 1898, стр. 1—72) и в армянских источниках (см.: К. Ш. Патаканов. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке. «Труды Восточного Отделения Русского Археологического общества», ч. XVII. СПб., 1874, стр. 1—92).

² Неясное слово в рукописи.

А пророк (да благославит его Аллах и да приветствует!) послал на пальце кольцо и те письма, которые он посылал в разные края, посылал запечатанными. Причина была в том, что однажды его письмо без печати пришло Парвезу (сасанидскому шаханшаху Хосрову II, Парвизу). Из-за этого он пришел в гнев: письма не прочел и разорвал его. Сказал он: «Письмо без печати — как голова без кулаха, а голове без кулаха не подобает присутствовать на советах. Если письмо не запечатано, то читает его каждый, кто хочет...» «... Все украшения, которые есть у людей, иногда нужно носить, иногда — не нужно, и лишь перстень подобает носить всегда.

А родов перстней — много, но царей достойны лишь два. Один — яхонт, а свойство его — в том, что он светится, и в огне не горит, и все камни он режет, кроме алмаза. А кроме того, он предохраняет от жажды... А другой — бирюза, из-за его названия («шируз» — победа) и из-за приятности и сладостности его цвета. А свойство его — предохранять от дурного глаза и от страха во время сна...

Рассказ: Рассказывают, что Ездигерд Шахрияр (последний сасанидский шаханшах Ездигерд III) однажды сидел в беседке во дворцовом саду; на пальце у него был перстень с бирюзой. Прилетела стрела и ударила в камень перстня. Камень сломался, выскочил из оправы и упал на землю. Никто не знал, откуда прилетела эта стрела... Ездигерд задумался об этом, мол, что это означает? Когда спросил он об этом у своих мудрецов и приближенных, никто не знал, что это означает, а тот, кто знал кое-что, — не осмелился сказать. После этого не прошло много времени, как он умер и ушло царство от его потомков...»¹

Арабский историк ал-Балазури сообщает о том, как обсуждались сасанидским шаханшахом дела государства и какую роль при этом играла государственная печать². Государственный чиновник вручал царю ежегодно список сокровищ, индексы изменения цен и т. д. Эти документы утверждались только царем царей, который прилагал к ним свою личную печать. Приказы, отдававшиеся шаханшахом, записывались в черновик в его присутствии шахским секретарем, и другой чиновник заносил их в свой дневник, который проверялся ежемесячно, запечатывался царской печатью и хранился в архивах. Сам же приказ пересылался начальнику дворцовой канцелярии и хранителю большой государственной печати *صاحب الزمام*. Лишь после наложения этой печати и сличения приказа с черновиком, составленным шахским секретарем, приказ царя посылался для исполнения. Тот же Балазури сообщает, что у сасанидского шаханшаха имелись специальные печати для тайной канцелярии, для почты, для закрепления актов о дарении земель и т. д.

Большой интерес представляет и сообщение историка X века ал-Джахшйари³. Согласно этому источнику, у Арташира I (основателя династии Сасанидов) были четыре печати: для военных приказов (на печати было вырезано слово «выдержка» — *شك*), для распоряжений, связанных с налогами, финансами и строительством (на печати было вырезано

¹ O m a r K h a u u â m. Nowrūz Nāmah. Persian text. Ed. M. Minovi, Tehran, 1933, стр. 26—29.

² Al-Beladzi. Liber expugnatione regionum. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866, стр. 464. Ср. также: Н. В. Пигулевская. Города Ирана в эпоху раннего средневековья. М.—Л., 1956, стр. 244; М. Н у а г т. The ancient Persia and Iranian Civilisation. London, 1927, стр. 154, 155. Сообщения арабских историков, в частности — Мас'уди, описавшего в деталях четыре печати сасанидского шаханшаха Хосрова I Ануширвана и десять печатей шаханшаха Хосрова II Парвиза (см.: М а с о у д и. Les Praires d'or. Texte par Barbior de Maunard. Paris, 1865, т. II, стр. 204, 228) собраны в работе Ф. Аккерман (SPA, I, стр. 784—815).

Ношение жемчуга, изумрудов, гиацитов (рубинов, аметистов) было во времена византийского императора Юстиниана (VI в.) царской привилегией. Украшения из этих камней (и, в частности, печати) делались в дворцовых мастерских специальными «дворцовыми ремесленниками». Нарушение запрета носить упомянутые камни кому-либо, кроме императора, каралось штрафом в 100 фунтов золота (см. Н. В. П и г у л е в с к а я. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 83).

³ Das Kitab al Wuzara' wa-l-kuttub al G a h š i y ā r i. Herausgeg. von H. Mzik. Bibliothek arabischer Historiker und Geographien, т. I. Leipzig, 1926, стр. 3. Книга ал-Джахшйари посвящена, в основном, писцам (дабирам). В ней имеется и следующее интересное для разбираемого вопроса замечание: «И было обычаем царей Фарса (Сасанидов), чтобы надевали люди каждого разряда (или сословия), из тех, кто на службе, одежды, которые никто из других сословий не надевал». Далее сообщается, что и писцы имели предписанные им одежды, причем облачались в военное платье во время похода царя (см. стр. 3). Указанием на этот источник я обязан любезности О. Г. Большакова.

слово *آئساد* — «подтверждение»), для почты (со словом *الرجا* — «поспешность») и для судебных дел (со словом *العدل* — «справедливость»). К этому сообщению историк делает любопытное примечание: «И цари Фарса гневались на того, кто подделывал перстни, подобные перстням царей». Сведения, сообщаемые этим источником, станут особенно интересными, если вспомнить, что слово *g'ty* — «суд» и *g'sty* — «справедливость» часто встречается в легендах на сасанидских печатях¹.

Печати использовались и в иных случаях. Фавст Бузанд, например, рассказывая о свидании армянского царя Аршака с сасанидским шаханшахом Шапуром II, сообщает: «Аршак просил его (Шапура II) дать торжественное клятвенное обещание, чтобы можно было ему ехать без боязни (в Иран) и тот, по установленному в персидском царстве обычаю, для торжественной клятвы велел принести (мешочек) соли, приложил к нему перстень с изображением вепря и послал Аршаку, что если де и после этой клятвы он не придет, то пусть готовится к войне»².

А вот история того же Шапура II в изложении Фирдоуси³. Шапур, бежав из румийского плена, скрывался у одного садовника. «Тайно сказал шах садовнику: «Дай мне глину для печати!». Когда садовник услышал от него эти слова, поспешил и принес глину для печати. Повелитель мира приложил к глине свой перстень, дал этот комок глины садовнику⁴... Сказал ему: «Вручи эту глину мобеду и все услышь, что он скажет». Человек этот... с печатью шаха, поутру отправился к мобеду мобедов (верховному жрецу). Когда мобед посмотрел и увидел ту печать, затрепетало от радости сердце мудреца. И после этого он заплакал над тем именем (оттиснутым на глиняной лепешке)...» Так в Иране узнали, что их повелитель освобожден из плена.

¹ См. главу «Надписи», стр. 52.

² Фавст Бузанд. История, гл. IV, 53, стр. 127.

³ Ferdowsi's Shahnamah. Ed. by Said Nafisi. Tehran, 1935, т. VII, стр. 2044—2045.

⁴ Подобные оттиски на глине (буллы) хранятся в некоторых музеях и найдены в Иране во время раскопок (см., например: R. N. Frye. Die Legenden auf Sassanidischen Siegelabdrücken. «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», т. 56. Wien, 1960, стр. 32—36).

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ САСАНИДСКИХ ГЕММ

Выше мы уже смогли убедиться в том, что сасанидские геммы — важный источник для изучения истории раннесредневекового Ирана (на геммах вырезано немало надписей с титулами государственных чиновников и жрецов¹), для изучения культуры Ирана эпохи Сасанидов (немало изображений на геммах показывают поразительную связь с изображениями на произведениях торевтики, на рельефах, монетах, штурке), для изучения иранской палеографии, филологии, лингвистики. Громадным достоинством этого источника является его массовость, сравнимая разве только с монетами. Перед нами, таким образом, россыпи материала, уже в достаточной мере оцененного, уже в какой-то мере систематизированного² и, конечно, в какой-то мере исследованного³. И все же, сейчас мы не в состоянии датировать большинства известных нам гемм, не в состоянии определить районы их изготовления, не в состоянии порой отличить геммы парфянской эпохи (в том случае, конечно, если на них отсутствуют надписи) от сасанидских.

Главной проблемой в изучении сасанидских гемм сейчас является проблема их датировки. Она была бы разрешена сравнительно просто, если бы в нашем распоряжении имелось достаточное количество резных камней, найденных в определенных археологических слоях. К сожалению, этот путь пока почти бесплоден. Археологи, правда, не раз находили резные камни во время раскопок⁴, однако, почти всегда оказывалось невозможным определить точную дату слоя, в котором эти геммы были найдены (подробнее об этом см. ниже). К тому же, археология в состоянии дать лишь *terminus ante quem*, чего явно недостаточно, если учесть, что геммы, особенно высокохудожественные и особенно вырезанные в драгоценных камнях, могли использоваться не один десяток, а иногда и не одну сотню лет⁵. Есть еще один, весьма естественный и объективный путь датировки сасанидских гемм —

¹ В. Луконин. Иран, стр. 44—50.

² H. St; A. Morgenthau p. 18, 29, 34; P. Horn; SPA, I.

³ РК, I; SPA, I.

⁴ М. И. Максимова. Геммы из некрополя Мидхты — Самтавро, стр. 221—274; М. Н. Лордкипанидзе. Каталог гемм, найденных в Самтавро; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттеки парфяских печатей из Нисы. ВДИ, № 4, 1954; Г. А. Пугаченкова. Геммы из Мерва. Материалы из других раскопок см. ниже.

⁵ На гемме, хранящейся в музее г. Гота, вырезан портрет парфянского царя Митридата I (174—136 гг. до н. э.). Позднее на этой гемме была вырезана надпись с именем и титулом сасанидского шаханшаха Шапура I (241—271 н. э.). См.: F. Sarre. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923, стр. 57, рис. 17.

палеографический анализ особенностей надписей на них. Если использовать этот путь, то можно было бы, датировав ряд гемм по надписям, выделить отдельные (легче всего сюжетные) группы и выявить внутри этих групп определенные признаки стили или иконографии, соответствующие определенному времени. Это дало бы твердые основания для датировки и тех гемм, на которых нет надписей. К сожалению, и этот путь до сих пор не мог быть использован просто в силу того обстоятельства, что работ в области сасанидской палеографии почти не существовало.

Стало быть, если поставить перед собой цель датировать сасанидские геммы, то нам придется действовать комплексным методом, т. е. рассматривать и сравнивать с другими памятниками, вещественными и письменными, и сюжеты, вырезанные на геммах, и их иконографию, и содержание, и палеографические особенности надписей.

* * *

Вполне понятно, что камнерезное искусство является одной из составных частей искусства сасанидского Ирана и потому характер и стиль изображений на геммах развивается так же, по тем же законам, что и характер и стиль изображений, скажем, в торевтике, на монетах или рельефах. Об этом говорит, например, поразительная близость не только сюжетов, но образов, типов, композиционных схем и в глиптике, и в произведениях торевтики, и в штурке, и в тканях, — близость такого рода, когда, быть может, единственными различиями остаются лишь особенности техники¹. Однако, установив эту связь, мы, тем не менее, почти не приближаемся к конечной цели, поскольку не только геммы, но и многие другие памятники искусства сасанидского Ирана в этом отношении изучены далеко недостаточно. Даже в такой, сравнительно хорошо исследованной отрасли сасанидского искусства, как торевтика, до сих пор многие памятники все еще не получили определенных дат². Следовательно, немисливо рассматривать *все* сюжеты, представленные на геммах, искать связь этих сюжетов со *всеми* памятниками сасанидского искусства. Необходимо, видимо, найти ту узкую область, где развитие было бы всего нагляднее, всего историчнее, определялось бы не только и не столько разными школами, разными мастерами или разными локальными особенностями, сколько идеологией и историческим развитием страны. Нам нужен, следовательно, сюжет с *самым ясным, с самым резким акцентом политики и идеологии*, ибо только в этом случае мы смогли бы встать на твердую почву комплексного рассмотрения и комплексной оценки данных источников, и письменных и вещественных, их перекрестной проверки и уточнения. Таким сюжетом, как мне представляется, может быть лишь один — сасанидский официальный портрет. Под этим термином я понимаю такой портрет царя, вельможи, или жреца, в иконографии которого изображались insignia власти (короны или кулахи, определенные украшения, платье и т. д.). В этой области сасанидского искусства прежде всего (и, между прочим, ярче, чем в некоторых письменных источниках) отразились процессы образования сасанидского государства, развития гражданских и военных институтов, изменения в политике и идеологии³.

¹ Подробнее см. стр. 33.

² Poleмику о датировке ряда сасанидских блонд см.: К. E r d m a n n. Die Sasanidischen Jagdschalen. Untersuchungen zur Entwicklungsgeschichte der iranischen Edelmetallkunst unter den Sasaniden. «Jahrb. d. preuss. Kunstsammlungen», LVII, 1936, стр. 193—232; К. E r d m a n n. Das Datum des Tak-i-Bustan. AI, IV, 1937, стр. 79—97; E. H e r z f e l d. Khusrau Parwez und der Tak i Vastan. «Archeologische Mitteilungen aus Iran», IX, 1938, стр. 91—158; J. O r b e l i. Sasanian and early Islamic Metallwork. SPA, I, стр. 716—770; M. S. D i m a n d. A review of Sasanian and Islamic Metallwork in a «Survey of Persian Art». AI, VIII, 1943, стр. 192—214. Дискуссию о формах корон сасанидских царей — до недавнего времени основного определителя даты многих памятников Сасанидов см.: К. E r d m a n n. Die Entwicklung der Sasanidische Krone. AI, XV, 1951, стр. 86—124; R. G ö b l. Aufbau der sasanidische Münzprägung. В кн.: F. A l t h e i m und R. S t i e h l. Ein asiatischer Staat. Feudalismus unter den Sassaniden und ihren Nachbarn. Wiesbaden, 1954, стр. 51—128. Рецензия К. Эрдмана на эту работу — АО, II, 1957, стр. 489—493.

³ В. Л у к о н и н. Иран в III—IV вв. (Происхождение сасанидского государства и формирование официального стиля в искусстве). Автореф. дисс. Л., 1961.

Особая ценность официального портрета как исторического источника обусловлена еще и тем, что многие детали его иконографии равнозначны инвеститурным знакам, соответствующим определенным титулам, что позволяет сопоставить портреты царей, вельмож и жрецов, изображенные на рельефах, монетах, геммах, произведениях торевтики, с «табелем о рангах», выбитом на стенах «Каабы Зороастра»¹, или обрывками знаменитой «Гахнамак», сохранившимися в трудах армянских, арабских и персидских историков и поэтов². Для проблемы датировки сасанидских гемм этот сюжет особенно важен, прежде всего потому что надписи на геммах с такими портретами дают достаточный материал для связи полученных данных с письменными источниками; кроме того, в этой области присутствует большой сравнительный материал (рельефы, монеты, торевтика), причем часть этого материала (рельефы, монеты) твердо датирована; наконец, геммы с изображением царей, вельмож и жрецов содержат, как правило, наиболее пространственные надписи, что позволяет получить обильный материал для палеографических исследований. Немалое значение

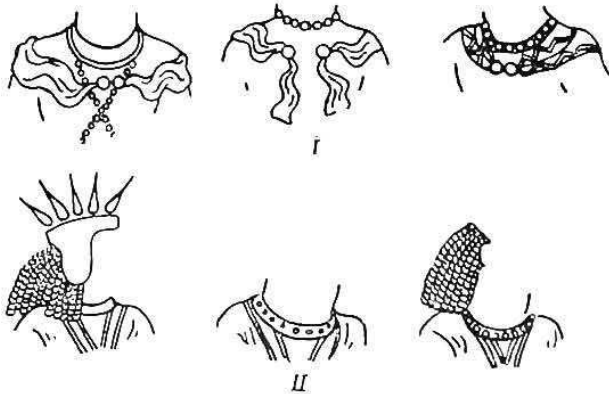

Рис. 1. Одежда шаханшахов. III век. I — рельефы; II — монеты (прорисовки).

имеет также и то обстоятельство, что в данном случае возможны многочисленные проверки, позволяющие судить о том, насколько полученные выводы достоверны.

Ограничиваясь рассмотрением только официального портрета для решения вопроса о датах гемм, я считал такое ограничение на данном этапе изучения памятников сасанидской глиптики вполне оправданным. Ведь только после решения вопроса о датах могут быть поставлены такие большие и важные проблемы, как развитие стиля и техники.

Поэтому на страницах этой работы я привожу только самое общее суждение о некоторых стилистических и технических особенностях изучаемых изображений.

Метод, легший в основу датировки раннесасанидских гемм с портретными изображениями, уже излагался³. Его сущность сводилась к следующему:

Была выбрана группа гемм, изображения на которых обладали единичными иконографическими признаками портрета.

Были выявлены сходные признаки на рельефах, монетах, торевтике — то есть на памятниках, позволяющих датировать избранную группу гемм.

Полученные даты были проверены и уточнены анализом надписей на резных камнях, проверкой сведений, сообщаемых этими надписями, в письменных источниках.

На основании палеографического разбора надписей на геммах была составлена палеографическая таблица начертания знаков, проверенная подобными же таблицами, составленными на основании легенд на монетах, привлекавшихся в качестве аналогий, и скальпных надписей того же времени.

В целом, для иконографии портретов III—IV веков оказались характерными следующие особенности:

1. *Прическа* в виде нескольких туго скрученных локонов, ниспадающих на плечи. Такой тип прически встречается также на рельефах всех шаханшахов, правивших в Иране

¹ M. Sprengling. Third Century, Iran.

² К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909.

³ В. Луконин. Резной аметист, стр. 379—385; В. Луконин. Опыт датировки группы резных камней сасанидского времени. Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. М., 1960 (отдельный оттиск).